

УДК 94(47)+94(436)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/60/5

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА ДЕ-ВИТТЕ И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Имя известного в свое время педагога и историка Елизаветы Ивановны де-Витте (урожденной Аммосовой), к сожалению, оказалось в наше время незаслуженно забыто. Елизавета де-Витте – автор многочисленных научных и научно-популярных трудов. Она была действительным членом Исторического общества Нестора летописца, печаталась в журналах «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», «Русское дело», «Заря», «Русь», «Правдивое слово». Издавала сборники «Книга для чтения в школе и дома». Во втором выпуске опубликовала свой перевод «Слова о полку Игореве», опираясь на перевод Г.П. Павского. Также вышло много ее отдельных научных работ. Она совершила несколько путешествий по зарубежным странам, интересуясь в основном положением славянских народов. Летом 1903 г. Е. де-Витте отправилась в поездку по Австро-Венгрии, посетив Буковину и Галицию.

В ее творческом наследии есть труды, посвященные истории, социально-экономическому, политическому и религиозному положению русинов Австро-Венгрии. Среди них: «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина» (1903), «Угро-руссy. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция» (1907), «Как живетс я галичанам под конституцией» (1908), «Русско-польский вопрос в Галичине. 1804–1909» (1909), «Австро-Венгрия и ее славянские народы» (1912), «Угrorуссы» (1914), «Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем» (в соавторстве с Е.Ф. Тураевой-Церетели, 1915). Не обошла вниманием Е. де-Витте и судьбу русинов Холмщины («Холмская Русь», 1909).

Своими работами она внесла вклад в дальнейшее изучение истории русинов и способствовала расширению интереса в России к русинской проблеме как среди широкой общественности, так и в научной среде.

Ключевые слова: Елизавета де-Витте (Аммосова), Карпатская Русь, Австро-Венгрия, Буковина, Галиция, Угорская Русь, Холмская Русь, русины.

ELIZAVETA IVANOVNA DE WITTE AND CARPATHIAN RUS

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Elizaveta Ivanovna de Witte (nee Ammosova), a famous educator and historian, has been undeservedly forgotten. She was the author of numerous scientific and popular works, a full member of the Historical Society of Nestor the Chronicler, published in numerous journals like *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa, Russkoe delo, Zarya, Rus', Pravdivoe slovo*. She was publishing the collections *Book for Reading at School and at Home*, the second volume of which included her version of *The Word on Igor's Regiment*, based on G.P. Pavsky's translation. E. de Witte made several trips to foreign countries, where she paid much attention to the situation of Slavic peoples. In the summer of 1903, E. de Witte went to Austria-Hungary and visited Bukovina and Galicia. Her creative legacy includes works on the history, socio-economic and religious situation of the Rusins in Austria-Hungary: *Bukovina and Galicia* (1903), *Ugro-Rus. Past and Present. Absolutism and Constitution* (1907), *How Galicians Live under the Constitution* (1908), *The Russian-Polish Question in Galicia. 1804–1909* (1909), *Austria-Hungary and Its Slavic Peoples* (1912), *Galician Rus in Its Past and Present* (co-authored with E.F. Turaeva-Tsereteli, 1915). She was also interested in the Rusins of the Kholmshchyna (*Chełm Land*, 1909). With her works on the history of Carpathian Rus, E. de Witte contributed much to the further studies of the history of Rusins and promoted the interest to this ethnic group in the general public and academic community of Russia.

Keywords: Elizaveta de Witte (Ammosova), Carpathian Rus, Austria-Hungary, Bukovina, Galicia, Ugric Rus, Chełm Land, Rusins.

Елизавета Ивановна де-Витте (де Витте) (21.05.1834 – ок. 1918) родилась в семье коллежского асессора Ивана Петровича Аммосова (1797–1872) и Варвары Дмитриевны, урожденной Свечиной (1807–1871). И.П. Аммосов владел родовым имением в селе Гуторово Курской губернии и в 1835 г. был записан в шестую часть дворянской родословной книги вместе с сыном Дмитрием и дочерьми Анастасией, Софией, Марией, Елизаветой, Наталией и Прасковьей. В

1845 г. родился сын Георгий (Юрий), дальнейших сведений о котором нет [1: 11–12].

В 1851 г. Елизавета закончила Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт благородных девиц Санкт-Петербурга, 26-й выпуск). В 1856 г. вышла замуж за полковника Михаила Павловича де-Витте [65: 559]. Михаил (17.07.1828 – 16.03.1867) был старшим сыном генерала от инфантерии, члена генерал-аудиториата Военного министерства Павла Яковлевича де-Витте (Девитт) (1796–1864) от первого его брака с Валерий Францевной, урожденной Банцеготти, командиром лейб-гвардии батареей № 5 батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады. У них родились дочери Валерия (1857–1882), Ольга (1859–1879) [1: 12–13] и сын Владимир (1866–1868) [64: 122]. Ее младшая сестра Прасковья (4.05.1839 – 19.11.1916) была замужем за братом Михаила, командиром 3-го гусарского Елисаветградского полка Николаем де-Витте (18.04.1830 – 8.12.1877), и у них родилось двое сыновей – Николай и Аполлон [1: 12–13].

Через год после смерти мужа Елизавете де-Витте предложили должность начальницы вновь открывшейся женской гимназии в Кельцах, административном центре Келецкой губернии Царства Польского. Хотя, овдовев, она готовилась к педагогическому поприщу, но в то время была серьезно больна. Через шесть лет, когда две дочери воспитывались в Смольном институте, а старшая уже заканчивала его, дела Елизаветы Ивановны «расстроились, приходилось думать о приискании работы». В 1874 г. на приеме у герцога П.Г. Ольденбургского, главного начальника женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, ей предложили возглавить женскую гимназию в Астрахани. Перед этим Елизавете посоветовали ознакомиться с работой одной из столичных гимназий, которой в то время руководила знакомая ей выпускница Смольного. Однако назначение не состоялось, т. к. утвердили кандидатуру местного губернатора. Оно произошло только через год при помощи инспектора Смольного института, к которой обратился директор Тифлисской гимназии с просьбой рекомендовать кого-нибудь из бывших выпускниц Смольного на должность начальницы женской гимназии [25: 5–7]. С тех пор началась 22-летняя служба Елизаветы Ивановны [25: 3], с небольшим перерывом с апреля 1878 по 1884 г. За это время она похоронила своих взрослых дочерей и осталась одна [25: 83]. Е.И. де-Витте проработала начальницей женских гимназий (главной надзирательницей) – Тифлисской великой княгини Ольги Федоровны (1875–1878), Ковенской (1885–1897), Киевской Фундуклеевской с пансионом графини Левашевой (1897–1904) [56: 396].

К сожалению, личность Елизаветы де-Витте (Аммосовой) и ее научная деятельность недостаточно изучены. Истории родов Аммосовых и де-Витте немного касался в своих воспоминаниях известный русский генеалог, археограф Л.М. Савёлов (1868–1947), чья мать Анастасия была родной сестрой Елизаветы [56: 13, 15, 53–54, 63–64], о ее родословной вкратце упоминает А.Н. Акиншин [1: 11–13].

Т.И. Чепелевская, называя исследовательницу «травелогом» (от англ. *travelogue* – повествование о путешествии) и используя наработки итальянской исследовательницы Кристины Куньята, описывает работы Е.И. де-Витте, вышедшие после ее зарубежных путешествий, совершенных во время летних каникул. Летом 1902 г. исследовательница посетила Далмацию, Герцеговину, Боснию и Сербию. Летом 1903 г. – Буковину и Галичину, а также Чехию и Моравию, летом 1903, 1906 и 1907 гг. – Словакию и Угорскую Русь, летом 1907 и 1910 гг. побывала в альпийских землях и в Приморье с Триестом, населенных словенцами [64].

В 2011–2012 гг. К. Куньята из *Università Ca' Foscari Venezia* (Италия) написала магистерскую работу «*Elizaveta Ivanovna de-Vitte. Uno sguardo al femminile sulle condizioni degli Slavi europei all'inizio del XX secolo*» («Елизавета Ивановна де-Витте. Женский взгляд на положение славянских народов в начале XX в.») [66]. В 2018 г. она опубликовала статью «*The Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travelers*» («Опыт путешествий Елизаветы де-Витте и Ребекки Уэст: сравнительное исследование двух убежденных женщин-путешественниц») [67].

Коснулась биографии Е.И. де-Витте Н. Гаттас в своей статье «*Буковина и Галичина*» [2: 6]. Описывая в своих статьях деятельность Исторического общества Нестора летописца [52; 53], украинский исследователь М.П. Колесник упоминает о Е.И. де-Витте [52: 54]. Небольшую справку об ученом дает «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"» М.А. Федотовой [63].

В 1977 г. Карпаторусское литературное общество (США) выпустило репринт книги Е.И. де-Витте «*Путевые впечатления (с ист. очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина*», изданной в 1904 г. в Киеве [49]. Ее очерки «*Русско-польский вопрос в Галичине. 1804–1909*», «*Холмская Русь*» и «*Угороруссы*» увидели свет в сборнике «*Украинская болезнь русской нации*», вышедшем в 2004 г. [62].

В целом же научное и педагогическое наследие Е.И. де-Витте в наше время оказалось невостребованным, вероятно, из-за ее монархических взглядов и приверженности концепции единого русского народа.

Во время пребывания в Ковно (Каунасе) она стала членом Православного Свято-Никольско-Петропавловского братства [64: 122]. Там она издала сборники для чтения в школе и дома для начальной школы (с текстами русских сказок, былин, древнерусских поучений). В «Книге для чтения в школе и дома» (вып. 1–3) Е.И. де-Витте опубликовала «Начальную летопись», жития преподобных Антония и Феодосия Печерских, несколько древнерусских поучений, былины, сказки, духовные стихи, плачи и песни. Во втором выпуске она издала свой перевод «Слова о полку Игореве». В предисловии было указано, что она опиралась на перевод Г.П. Павского и исследования А.А. Потемни и Е.В. Барсова. Перед «Словом» представлен небольшой очерк «Борьба Руси со Степью». Текст «Слова» (древнерусский текст воспроизводится по Потемне) и его перевод публиковались параллельно [63: 99–100]. В Ковно вышел и первый труд ученого по истории славян – «Чтения по истории славян. Балтийские славяне. Хорваты. Сербь. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь», написанный по работам русских славистов [5].

Возглавив Киево-Фундуклеевскую женскую гимназию (1897–1904), Е.И. де-Витте принимает активное участие в деятельности Общества Нестора летописца в Киеве, активно публикуясь в «Чтениях в Историческом обществе Нестора летописца» и выступая с докладами на заседаниях общества [12; 13; 14; 27; 57]. К началу 1898 г. в обществе состояло 21 почетный и 122 действительных членов [3: 12]. С 1879 г. оно начало издавать «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца» [4: 34, 36]. 31 января 1898 г. Е.И. де-Витте избрали членом-корреспондентом [50: 105], а 12 декабря 1899 г. – действительным членом Общества Нестора летописца [51: 38; 55: 4; 16].

С 1899 до 1905 г. она являлась членом Дамского совета Киевского Славянского благотворительного общества (позже стала почетным членом); с 1905 г. – член Историко-родословного общества (ИРО) в Москве [64: 123].

В Киеве Е.И. де-Витте стала активно заниматься научной деятельностью, писать исторические работы, путешествовать по землям славян.

В ее творческом наследии значительное место занимают исследования, посвященные истории, социально-экономическому, политическому и религиозному положению русинов Карпатской Руси¹. Среди них: «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г.» (1904), «Угро-руссы. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция» (1907), «Как живет галичанам под конституцией» (1908), «Русско-польский вопрос в Гали-

чине. 1804–1909» (1909), «Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и угро-русы. Лето 1903, 1906 и 1907 годов» (1909), «Австро-Венгрия и ее славянские народы» (1912), «Угросу-сы» (1914), «Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем» (в соавторстве с Е.Ф. Тураевой-Церетели, 1915) и т.д. Не обошла вниманием Е.И. де-Витте и судьбу русинов Холмщины («Холмская Русь», 1909) [15; 17; 21; 26; 31; 32; 33; 40; 43; 44; 48; 49, 61].

В своих трудах Е.И. де-Витте называла население Карпатской Руси «русскими», редко применяя этноним «русин». Мы решили не править автора по двум причинам. Во-первых, до революции в России официальной была теория триединого русского народа, которую разделяло большинство великороссов, малороссов, белорусов и русинов (русинов официально причисляли к малороссам). Только в 1917 г. в Австро-Венгрии новый император Карл I официально изменил названия «рутены», «рутенский язык» на «украинцы» и «украинский язык» (Ukrainer, Ukrainisch) [60: 195]. Во-вторых, при изменении может исказиться первоначальный смысл высказываний автора.

Летом 1903 г. Елизавета Ивановна совершила поездку по Буковине и Галичине, входивших в то время в состав Австро-Венгерской империи. О своих впечатлениях во время путешествия она сообщила на общем собрании Киевского славянского благотворительного общества 22 октября 1903 г. (ее выступление вышло в том же году отдельной брошюрой), а следующем году увидела свет монография «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г.» [15; 17].

Автор начинает предисловие к этой работе словами: «Продолжая наше путешествие по славянским землям, мы продолжаем издавать и наши “Путевые впечатления”. При этом, задавшись целью не только делиться с читателем непосредственными впечатлениями нашими, но и осведомлять читателей, незнакомых с судьбой славян и с историей стран, нами и описываемых, мы в некоторых местах оста-навливаемся подолгу на той и другой» [17: 3].

Русское население Буковины, пишет автор, поговору, характеру, одежде и обычаям подразделяется на три группы: подолян, или жителей равнин, гуцулов, жителей гор, и филиппован, великороссов-старообрядцев.

Подоляне и филипповане лицом белые, глаза и волосы светлые или несколько темноватые. Гуцулы смуглы, глаза и волосы черные или очень темные. Подоляне низки ростом, гуцулы высоки и стройны. Филипповане толсты. Характер у гуцулов и подолян мягкий, у филиппован – твердый. Все они добродушны, дружелюбны, госте-

приимны, трудолюбивы, честны и религиозны. Подоляне отличаются деликатностью в речи, никогда не скажут грубого слова [17: 10].

Подоляне-мужчины летом носили длинную, широкую белую полотняную сорочку с широкими, у кисти завороченными рукавами, узкие белые полотняные штаны под сорочкой, поверх сорочки – разноцветный шерстяной пояс, маленький кожушок без рукавов, украшенный сверху сафьяновыми разноцветными ремешками, широкий, длинный черный шерстяной сердак с шерстяными узелками и пуговицами на груди, черевики или чоботы с заостренными или широкими носками, с украшением сверху, соломенную или войлочную шляпу с широкими полями. Зимой мужчины надевали поверх полотняных портков белые или темные узкие шерстяные штаны или лишь до колен доходившие полуштаны, на ноги – чоботы, на голову – овечьи шапки с ушами или без [17: 11].

Одежда женщин-подолянок летом состояла из длинной, узкой полотняной сорочки с рукавами, как у мужской, с разноцветными вышивками на плечах и у кисти, широкой темной шерстяной юбки с двумя пришитыми к ней узкими разноцветными шерстяными поясками для привязывания юбки, маленького кожушка без рукавов, как у мужчин, длинного сердака, как у мужчин, кожаных черевиков или чоботов, белого ручника на голове поверх связанных в клубок волос. Молодицы и девушки носили обыкновенно разноцветные юбки. В праздничные дни девчата вместо ручника надевали венки из мелких стеклянных бус, лент, цветов, павлиньих перьев и т. д. Эти венки назывались карабулями, и их носили девушки, которые уже ходили на танцы с парубками (парнями). Летом девчата надевали на танцы или в церковь вместо кожуха кацавейку (шелковый полукожушок) [17: 11].

Зимой подолянки, кроме кожушков, сердаков и плащей, носили длинные кожухи, которые сверху разукрашены красным сукном, сзади плетеными кожаными шнурками. Девчата и молодницы надевали длинные кожухи, которые сверху еще более разукрашены сукном, вышивками и кожаными шнурками [17: 11–12].

Е.И. де-Витте, описывая русинов Карпатской Руси, использовала не только свои наблюдения, она также изучила работы местных историков и этнографов. В частности, при описании подолян, гуцулов, лемков, бойков она использовала исследования Г.И. Купчанко, в т. ч. и его работу «Наша Родина» [54].

Автор дает характеристику трем основным этническим группам русинов Галичины: лемкам, бойкам и гуцулам.

Русские, живущие на всем хлебобобовом пространстве Галичины и занимающиеся преимущественно земледелием, отмечала Е.И. де-

Витте, не имеют особого названия. Только жителей в окрестностях Тернополя и Черткова зовут подолянами. Все русские земледельцы сходны между собой наречием, одеждой и обычаями. Зато у жителей гор – лемков, бойков и гуцулов, живущих в близком соседстве друг с другом, большая разница в наречии, внешнем облике, одежде, нравах и обычаях [17: 33–34].

Лемки жили по обеим сторонам Карпат (Бескид) в Галичине и Угорщине. Галицкие лемки занимали целую полосу в 50 квадратных миль от города Пивничной на р. Попраде. На Лемковщине находятся города Грибов, Горлицы, Жмий-город, Дукля, Риманов, Новотанец, Буковско. За Попродом есть только четыре деревни, населенные лемками: Шляхтово, Яворки, Бела-Вода и Черна-Вода. Земли лемков – большей частью бесплодные горы, где процветает скотоводство.

Лемки говорили с ударением на предпоследнем слоге, как в польском языке. Все они придерживались своей народности и восточного униатского обряда [17: 34].

Лемки как жители гор отличались от русских земледельцев Галичины одеждой. Верхняя их одежда – чуга (длинный плащ) с пелериною на спине, на нижнем рубце которого находятся т. н. торики, т. е. плетеные черно-белые шерстяные нитки, висящие как бахрома. Обыкновенная одежда состояла из прямой верхней одежды из длинноворсового самодельного сукна с фальшивыми рукавами под названием гуня, узких штанов из белого сукна, шляпы с широкими полями, на ногах – керпцы или ходаки (кожаные постолы). Богатые лемки ходили в сапогах.

Женщины носили на голове белые или синие платки, один длинный конец которых спускался вниз. Девушки не повязывали платки, а заплетали волосы в косу. Женская одежда состояла из сподницы или кабата, в будние дни – из синей материи с белыми точками, в праздничные – из белой с цветами. На ногах в будни носили керпцы или ходаки, в праздники – угорские сапоги, черные или желтые сафьяны.

В своих горах лемкам удалось сохранить древнюю простоту народных и религиозных обычаев [17: 35].

Горные соседи лемков – бойки. Они проживали в части Саноцких гор и в Стрейских горах и отличались от лемков одеждой, наречием и нравами. Исследовательница считала, что название бойков происходит от слова «бойкий» («бить») и что «бойко» – это человек пылкого характера. Полки из бойков обыкновенно направлялись австрийскими генералами на самые опасные участки боя и часто несли огромные потери. В горах бойки занимались скотоводством и немного производством деревянных изделий. Они также торговали

привезенными из Венгрии орехами, сливами, виноградом и каштанами [17: 35–36].

Одежда их состояла из обыкновенного шерстяного сердака или короткого бараньего козуха, черной бараньей шапки или широкой шляпы, на ногах носили ходаки. Женщины одевались так же, сподницы у них шерстяные, на головах белые платки. Они хорошо ездили верхом и курили трубку.

Бойки не пользовались расположением своих соседей. Особенно силен был антагонизм между ними и гуцулами. Причина его неизвестна [17: 36].

Далее на восток и юг жили гуцулы, «русские черногорцы, краса и поэзия Галицкой Руси». Отсюда расходятся их песни «коломыйки» и одноименный танец [17: 36].

Е.И. де-Витте предположила, что название «гуцул» взято из румынского языка и означает «разбойник», т. к. в Коломейских и Буковинских горах, прежде труднодоступных, скрывались шайки опришков, самым знаменитым из которых был Олекса Довбуш [17: 37].

Гуцулы красивы лицом. Волосы и глаза у них чаще черные, лицо с резкими чертами лица. Рост высокий, походка бодрая, движения свободные и смелые.

Гуцулы носили короткий шерстяной черный сердак, красные или голубые широкие штаны, широкий пояс, за поясом – пару пистолетов и нож. Неизменный атрибут – прекрасно сделанный и служивший вместо палицы топорик. Гуцулки, отмечала исследователь, не так красивы, как мужчины. Одежда их была, по ее мнению, тяжелая и безвкусная: сердак, вышитая сорочка и шерстяная обогортка, желтые, красные или черные сапоги [17: 38].

Говоря о Буковине, Е.И. де-Витте, упоминала, что она входила в состав Галицкого княжества до его захвата Польшей в 1340 г., затем на некоторое отошла к Венгрии, а с 1369 г. стала северной частью Молдавского княжества. Договорами от 7 мая 1775 г. и 12 мая 1776 г. была уступлена Австрии Турцией. Исследовательница указала, что на захват Буковины большое влияние оказали военные соображения: она соединяла Галицию с Семиградией (Трансильванией), создавая для Австрии выгодное положение против России и Молдавского и Валашского княжеств. В 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции как Черновицкий округ. В 1849 г. стала отдельной провинцией (герцогством) [15: 1–2; 17: 12–13].

После занятия края австрийцами и знакомства с его национальным составом местные чиновники обратили внимание на русское население края (русинов) «как на элемент, более пригодный для государственных целей». В одном из их официальных докладов пи-

салось: «русские в Буковине не так хитры, как румыны, они трудолюбивы и хорошие земледельцы...» [15: 2; 17: 14].

Однако если в первые годы своего правления в Галиции австрийское правительство поддерживало русский элемент как противовес польскому, то в Буковине оно сразу выдвинуло на первое место румын. Сыграло здесь свою роль не только отсутствие значительного польского населения, но и то, что, в отличие от галичан-униатов, буковинские русины были близки с русским населением России не только языком, но и верой. Поэтому «Буковина получила сразу немецко-румынскую окраску; в школах долгое время все преподавание происходило на немецком языке». Также австрийское правительство стало приглашать «инородческий элемент: немцев, мадьяр, поляков, евреев» [15: 2–3; 17: 14]. В 1860 г. в Австрии в пользу евреев были изданы законы, признававшие за ними право приобретать (с некоторыми ограничениями) недвижимое имущество. По окончании низшей гимназии, низшей реальной школы, торговой или земледельческой гимназий или при получении офицерского чина в армии можно было купить поместье, без этого дозволялось приобретать иную недвижимость: дома в местечках и городах, хозяйственные заведения в деревнях. Таким образом, было положено начало еврейскому помещичьему сословию в Буковине и Галиции [15: 3; 17: 14–15].

Хотя русины Буковины никогда не знали рабства, народ был «исконно свободен и не знал закрепощения», крестьяне потеряли экономическую гражданскую свободу. Конституционная свобода в Галичине и Буковине «не существует для русского народа». В краевом сейме из 29 депутатов (послов) русское население, составлявшее 2/5 населения, имело 5 послов. В венском парламенте среди 12 послов от Буковины был «всего лишь один русский, да и то зараженный украинофильством» [15: 4–6; 17: 15–16].

Орудием денационализации русского населения служила школа. В народной школе было обязательное обучение детей от 6 до 12 лет, если учитель найдет нужным – до 14 лет, учились мальчики и девочки. Однако не каждая деревня могла иметь такие школы. Над краевыми школами установили государственный надзор, языком обучения был тот, который признавала община (громада). Из-за сепаратистов, которых поддерживали поляки и правительство, в большинстве школ был введен «безобразный язык, который “куется” украинофилами и который не похож ни на малорусский, ни на великорусский, которого чураются сепаратисты. Народ его не понимает, и школьное обучение на нем остается безрезультатным» [15: 6; 17: 17–18].

Из трех черновицких гимназий русскому населению был открыт доступ только в одну, где училось всего 19 русских учеников. Еще хуже положение в Черновицком университете. К примеру, из 600 студентов – 300 евреев, составлявших 2/15 населения края, русских же студентов 50. В то же время «преследуется все русское». Из черновицкой гимназии были исключены 5 русских учеников за то, что они читали Пушкина. Все это показывает «гарантированность» свобод и равноправие, закрепленные в § 19 Конституции Австро-Венгрии² [15: 7; 17: 18].

Общественно-политическая жизнь русского населения в Буковине была слабой и стала активизироваться только после 1860 г. Для поднятия образования среди женщин в Черновцах было создано «Общество русских женщин». Оно заботилось о судьбе девочек из низшего сословия [15: 7–8; 17: 19–20].

В первый день приезда в Черновцы Е.И. де-Витте удалось познакомиться у редактора одной из русских газет с двумя членами депутации от народных веч, известными патриотами протоиереем Дробиком, главой депутации, состоявшей из пяти человек, и молодым крестьянином Меленчуком. Последний прочел свою статью, приготовленную для печати. «Развитый, энергичный, владеющий словом и пером, пламенный патриот, еще молодой Меленчук в своем красивом, расшитом народном костюме производит чарующее впечатление, – вспоминала исследователь. – “Вот вождь народный!” – невольно думаешь, глядя на него и слушая его. В петиции, поданной президенту-немцу, народ заявляет, что он “русский”, а не “рутенский», как называют его австрийское правительство и поляки» [15: 8; 17: 21].

Описывая происхождение этнонима «рутены», Е.И. де-Витте пишет, что «до перехода под власть Австрии русский народ в Галичине называл себя в единственном числе “русин” (это слово встречается у нас и на севере, в чисто великорусских губерниях)». «Немецкие ученые и литераторы стали называть русских, подданных Австрии, “Reussen” или “Russen”. Но вскоре утвердилось за ними название “Ruthenen”. Основание этому термину дали папские буллы и грамоты, выдававшиеся по делам униатов. В них всегда русские, соединенные с римскою церковью, назывались по-латыни “Rutheni”, и это название до того привилось униатской иерархии, что она даже в своих немецких письмах к австрийскому правительству постоянно употребляла этот латинский термин. Австрийское правительство, стремясь германизовать своих подданных и противясь развитию в них национального самосознания, воспользовалось впоследствии этим термином. Приобретенные Австрией “рутены” должны были

прежде всего сознавать себя униатами, а не принадлежащими к какой-нибудь народности. Но впоследствии, по “политическим соображениям”, слово “рутены” стало означать особенную народность, отличную от великорусской, и это название распространилось и на русское население Буковины, остававшееся всегда православным. Это наименование должно было ограждать народ от преследований; но украинофилы-сепаратисты, главное гнездо и поприще деятельности которых в Галичине, проникли в последние годы и в Буковину, внося раздор в общество и семью, где нередко бывает один – русский, другой – украинофил, отец с сыном, брат с братом враги; сепаратисты требуют от народа, чтобы он отрекся от своей народности, своего языка и своей истории, чтобы он заговорил вымышленным ими языком. Вот это-то и побудило вождей народа, патриотов, стать во главе движения, стремящегося укрепить самосознание народное. Отсюда и решение: “Отныне мы будем называться русскими!”» [15: 8–10; 17: 21–22].

На следующий день у редактора она познакомилась с молодым А.Ю. Геровским, одним из тех, кто был исключен из гимназии за чтение Пушкина. Он познакомил Е.И. де-Витте со своей матерью Алексией, дочерью А.И. Добрянского. На следующий день автор отправилась с Алексией в с. Добрыновцы, по пути заехав в г. Садыгура (Садгора), где познакомилась со священником о. Дионисием Кисель-Киселевским. В Добрыновцах они застали батюшку о. Григория Драчинского. Эти священники были «добрыми пастырями своего народа». Характеризуя буковинских священников, Е.И. де-Витте упоминает, что из 144 православных приходов края 50 занимают русские, остальные – румыны. При этом среди русских священников есть примкнувшие к сепаратистам из расчета, другие ничем, кроме карт и вина, не увлекаются. Жены священников в большинстве своем не «добрые матушки», а светские барыни, думающие только о нарядах и выездах [15: 10; 17: 25–27].

Все народности в Буковине имели свои «народные дома», в т. ч. «украинофилы» и раскольники-некрасовцы, населявшие в крае четыре деревни недалеко от Черновиц. Однако Русская народная партия, русский народ в Буковине, несмотря на хлопоты патриотов, такой дом не имели. Трудно приходилось русской партии, не имевшей материальных средств [15: 11; 17: 30].

Говоря о Галичине, исследовательница пишет, что она во второй половине XIV в. досталась польскому королю Казимиру Великому. В этом краю ранее было одно русское население (русское крестьянство, русское мещанство, русские торговые люди, русское духовенство, русские земледельцы – дворяне с боярством). Еще в XVI в. все

крестьянство, а также большая часть мещанства, торговых людей и дворянства были русскими. Теперь же население Восточной Галиции распределяется следующим образом: русского населения – 3 222 864 чел., говорящих по-польски – 3 130 811 чел., по-немецки – 227 тыс. В числе говорящих по-польски и по-немецки большой процент евреев. По словам Е.И. де-Витте, «русское население составляют крестьяне, духовенство и мелкий класс», торговый класс и мещанство – преимущественно евреи, крупное землевладение – в руках евреев и поляков [15: 11–12; 17: 32].

Вся судебная система и административные учреждения в крае находились в руках поляков, а в качестве официального употреблялся польский язык. Земский школьный совет старался вводить польский язык преподавания в русские школы и гимназии, назначал преподавателями людей, не владевших малорусской речью. В результате долгой борьбы удалось получить несколько городских школ и четыре гимназии (на 42 польские) во Львове, Перемышле, Коломые и Тернополе с преподаванием на малорусском языке. Однако, как считала автор, эти учебные заведения скорее наносили вред, чем приносили пользу, т. к. в них польские школьные власти проповедовали *ex cathedra* (с лат. буквально «с кафедры») национальный сепаратизм, вражду и ненависть к русской церкви, русской литературе, к России. В результате значительная часть молодежи выходила оттуда яркими противниками всего русского [15: 13; 17: 170].

Австрийское правительство и поляки не допускали к выборам в краевой сейм и венский парламент русских депутатов. Из 169 депутатов краевого сейма только 14 были русской народности; в парламенте поляки имели 70 представителей, русские – 8. «Убогое русское население» не имело средств проводить выборную кампанию, в то же время на выборы одного депутата правительство или поляки тратили от 10–15 тыс. гульденов.

Несмотря на это, имевшее подавляющее большинство в 47 уездах русское население пыталось провести своих кандидатов. Однако оно столкнулось с противодействием властей. На выборах 1891 г., когда во главе правительства Галиции стоял граф Бадени, по его приказу уездные начальники (старосты) вызвали на выборы жандармов и войска, арестовали около тысячи русских избирателей, 9 чел. было убито. В итоге провели польских кандидатов. В тех округах, где, несмотря на террор, русские депутаты получили большинство голосов, уездные начальники с «подобранной ими избирательной комиссией совершили подлог, убавив русскому кандидату число голосов и добавив их польскому» [15: 13–14; 17: 168].

В русской Галичине действовал польский избирательный комитет, который занимался исключительно выборами в краевой сейм и парламент. В 1902 г. он расширил свою деятельность, стал постоянным и действовал в 33 уездах из 47 русской Галичины. Согласно инструкции, он следил за религиозным состоянием, образованием, политическими настроениями, общественными движениями, боролся с вредными (т. е. русскими) движениями, пробуждал и укреплял польское национальное сознание и т. д. [15: 14–15; 17: 197–198].

Описывая религиозное положение русинов, Е.И. де-Витте упоминает, что Галицкая Русь в XVIII в. перешла в унию, однако сохранила в своих церквах чистоту восточного обряда и богослужение на церковнославянском языке. В большинстве церквей всех трех епархий (Львовской, Перемышльской, Станиславской) оно совершалось по книгам, изданным в Почаеве, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве, а также по книгам, напечатанным во Львове до унии. Это привело к тому, что кардинал Сильвестр, митрополит Галицкий, при посещении церквей своей епархии собственноручно вырывал заглавные листы в церковных книгах, чтобы уничтожить следы их происхождения [15: 20].

Народ сохранял свою приверженность восточному обряду, доказательством чему служили отсутствие сект, готовность даже самых бедных крестьян жертвовать средства на строительство храмов и их украшение, хождение тысяч крестьян на богомолье в Сучаву (Буковина), Почаев и даже в Киев. Иезуиты и поляки давно поняли, что, пока в униатских церквах остается восточный обряд, русское население останется чуждым католицизму и латинской пропаганде и будет склоняться к православию и России. Первые попытки уничтожить восточный обряд были предприняты в 60-х гг. XIX в., когда попытались ввести григорианский календарь вместо юлианского. Благодаря тогдашнему митрополиту Григорию Яхимовичу и о. Иоанну Наумовичу эта затея не удалась.

В 60-е гг. XIX в. началось церковно-обрядовое движение. Его целью была попытка очистить обряд униатской церкви от позднейших католических наслоений и искажений. Как отмечала Е.И. де-Витте, «обрядовцами были достойнейшие и даровитейшие из священников». Первое место среди них занимал о. Иоанн Наумович, соединивший движение церковное с национально-русским. После смерти митрополита Яхимовича в 1863 г. его преемник Спиридон Литвинович ликвидировал обрядовое движение в Галичине и лишил о. Наумовича прихода. После подавления польского восстания российское правительство призвало русских греко-католических священников из Галичины, чтобы ослабить польский элемент в Хол-

мщине и Подляшье. Этим предложением воспользовались многие обрядовцы, чье положение стало невыносимым. В числе переехавших на Холмщину был и генеральный викарий Львовской епархии Михаил Куземский, который стал в 1868 г. епископом Холмской епархии.

Тогда иезуиты и поляки решили заменить галицкое униатское духовенство на более послушное, заодно и разбить старорусскую партию. Воспользовавшись переходом населения крестьян деревни Гнилички в православие в конце 1881 г., в 1882 г. начали судебное дело о государственной измене (процесс Ольги Грабарь) против выдающихся галицко-русских деятелей: о. И. Наумовича, А.И. Добрянского, В.М. Площанского, О.Г. Маркова и др. Их посадили в тюрьму и под шум этого процесса устроили передачу всех базилианских (василианских, Ордена святого Василия Великого) монастырей и их земельных угодий иезуитам. Воспитанные иезуитами базилиане стали вводить в восточный обряд латинскую практику и вести агитацию в пользу национального сепаратизма, распространяя украинофильство, вражду и ненависть к представителям русского направления в Галичине.

17 июля 1882 г., после семинедельного разбирательства, суд вынес приговор: о. Наумович получил восемь месяцев тюремного заключения, В. Площанский – пять месяцев, И. Штундер и О. Залуский – по три месяца. Остальные были освобождены.

Посредством своей латинизаторской политики и политической деятельности правительство и поляки стали выбирать церковных иерархов. Из среды базилиан был избран митрополит граф Андрей Шептицкий, бывший католик, на освободившуюся кафедру в Станиславе выдвинули базилианца Платонида Филаса, удаленного из гимназии за порочную жизнь [15: 21–22; 17: 157, 162–164, 175–177].

Одновременно правительство и поляки стали воспитывать для своих целей и светское духовенство. Галицко-русское духовенство в своей массе заслужило название добрых пастырей и учителей народа. С 1848 г. оно имело уже высшее образование и стало руководителем народа в национальном и политическом отношении. Когда австрийское правительство еще не занималось просвещением крестьян, галицко-русское духовенство основывало школы, в которых крестьянские дети обучались грамоте, и создавало при церквях общества трезвости. Но затем школьное образование перешло под управление земского школьного совета, стремившегося ополячить детей. Священники продолжали основывать в деревнях русские народные читальни и сберегательные кассы. Самые образованные

священнослужители были выпускниками Русской духовной семинарии, основанной в Вене при императрице Марии Терезии. В 1893 г. император издал указ, закрывавший это учебное заведение и определявший фонды, за счет которых содержались воспитанники семинарий, обучавшиеся в Риме. Также правительство приняло меры по закрытию Генеральной духовной семинарии во Львове, где готовились кадры для всех трех галицких епархий и епархиальных семинарий. Таким образом, в Риме стали обучаться священники, воспитанные в римско-католическом духе, из епархиальных семинарий выходили священники без университетского образования, полностью зависимые от своих епископов [15: 23–24].

Касаясь экономического положения населения, Е.И. де-Витте упоминает, что после ликвидации барщины в 1848 г. «крестьянское население Галичины поставлено было в условия бедности». Согласно императорскому указу, за крестьянами закреплялись земли, которыми они владели до отмены крепостничества. В результате 7/9 от всего крестьянства стало безземельным пролетариатом. За полученную землю 728 тыс. крестьян заплатили помещикам более 90 млн гульденов в виде дополнительной земельной подати. Помимо земельных наделов крестьян, сельские общества должны были получить участки для пастбищ и лесов. Помещики старались уменьшить и урезать размеры или прямо отбирали пастбища и леса, находившиеся во владении громад (общин). Крестьяне обращались в суды. В результате из 32 тыс. тяжб с помещиками было выиграно только 2 тыс. Стоили эти тяжбы и потерянные земли 15 млн гульденов. Совершенно ограбленными оказались гуцулы, которые издавна занимались скотоводством и имели обширные пастбища в Карпатах. «Теперь они нищие и толпами уходят на чужбину в поисках заработков, а за последнее время это чудное русское племя стало заметно вымирать». Малоземельность крестьян, недостаток пастбищ и лесов – это одна из причин бедности крестьян. Другая – подати и система обложения податями земельной собственности. По закону 1869 г. поземельное владение должно было само себя облагать податями, причем чистый доход с земли служил основанием для определения податей [15: 24–26]. Образовывались оценочные комиссии, где из 600 членов было только 24 представителей крестьян, в русской Галичине – 8 крестьян и 2 священника, остальные члены происходили из среды крупных помещиков, которые защищали свои интересы. Они оценили свои земли ниже, чем следовало, и бремя податей было переложено на плечи крестьян [17: 141].

Говоря о русинском Возрождении, автор пишет, что до 1848 г. Галицкую Русь представляли лишь «хлопы и попы». Правда,

это не совсем верно, т. к. «русское духовенство было почти поголовно ополячено». По-польски говорили священники дома, на этом же языке читали проповеди. Однако периодически появлялись национальные организации. В 1816 г. в Перемышле возникло «Общество священников». Инициатором его создания выступил каноник перемышльского капитула Иван Могиляницкий. Задачей общества было распространение просвещения среди народа. В то время не было никаких учебников, кроме «Букваря», изданного в 1807 г. Ставропигией. В 1829 г. епископ Иоанн Снегурский учредил в Перемышле типографию, каноник Иван Лавровский основал капитульскую библиотеку. Из Перемышля идея возрождения перекинулась во Львов. В 1834 г. во Львовской духовной семинарии Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий и Иван Вагилевич создали кружок «Русская троица». Результатом их деятельности явилась изданная в 1837 г. в Будапеште первая галицко-русская книга, напечатанная гражданским шрифтом – «Русалка Днестровая» [15: 27–28; 17: 100–101].

Галицкую Русь случайно для себя открыли Погодин, Шевырев, Кириевский, возвращавшиеся из-за границы в 1835 г. Незадолго до 1848 г. Д. Зубрицкий, Я. Головацкий и И. Вагилевич стали переписываться со славянскими и русскими учеными в Праге, Вене, Варшаве, Киеве, Москве. В 1847 г. появилось 30 сочинений, написанных русскими галичанами, 4 из них – на польском, 4 – на латинском, остальные – на русском языке. К сожалению, общерусская литература из России от Ломоносова до Пушкинской эпохи была недоступна и не оказала влияния на Галицкую Русь [15: 29; 17: 102].

Возрождение 1848 г. русские деятели встретили созданием «Головной русской рады» и газеты «Зоря Галицкая». Польские политики в противовес учредили «Ruskij Sobor» и газету «Dnewnyk Ruskij». Эти и другие действия польских политиков имели одну цель – не допустить организации русского элемента и внести в ряды его раскол. Тогда-то и возникло крылатое выражение: «Натравить русина на русина» (ruścić rusina na rusina). Сначала в этом роль играли ополяченные галичане, позже украинофилы, которые усердно ее исполняли под лозунгом «истребления москвофильства» в Галичине. В 1848 г. поляки под предлогом, что «галицко-русское наречие – только разновидность польского языка», пытались перевести письмо на латинский алфавит. Против этого выступили галицко-русские деятели. Между 1850–1860 гг. галицко-русские издания печатались гражданским шрифтом. Однако вскоре все редакции получили предписание употреблять кириллическое письмо. В 1859 г. наместник Галичины граф А. Голуховский предложил устранить кириллицу, заменив ее латинским письмом. Не достигнув цели путем работы

специальной комиссии, он, став вскоре министром внутренних дел Австрийской империи, издал распоряжение, в котором всем учреждениям Галичины предписывалось в русском письме употреблять латинские буквы. Одновременно из Львова шли доносы на русских галичан. Попытка Голуховского провалилась благодаря противодействию русских членов комиссии [15: 31–33; 17: 103–106].

Во время подготовки к польскому восстанию 1863 г. «польские агенты, желавшие втянуть в восстание и галицко-русскую молодежь, стали распространять среди нее мысль малорусского сепаратизма». Львовский купец Дымет привез в то время стихотворения Шевченко. Молодежь, ранее ничего подобного не читавшая, набросилась на них. «Не зная истории России и не имея научной подготовки к пониманию истинного смысла произведений Шевченко, часть галицко-русской молодежи стала мечтать о самостоятельной казацкой Украине... Мода “казакования”, появившаяся во Львове, распространилась по всей Галичине. В провинциальных городах создавались “громады” гимназической молодежи, во Львове – “центральная громада»» [15: 34–35; 17: 106–107].

После поражения польского восстания в Галичину хлынули польские эмигранты, «и все они оказались ярыми украинофилами». В 1863 г. начал выходить орган украинофилов «Мета» («Цель»), который вместе с журналом «Słowo» продолжил дело разъединения галицко-русского общества [15: 36; 17: 114]. Для пропаганды малорусского сепаратизма попытались ввести «кулишовку». Однако, заметив, куда стремятся галицкие украинофилы, П.А. Кулиш написал им письмо, в котором просил не вносить раздора в русскую семью, не превращать литературный сепаратизм в политический. Он угрожал отказаться от фонетического правописания, раз оно служит средством разъединения русского народа [15: 36–37; 17: 114].

В 1890 г. наместник края граф Бадени придумал соглашение поляков и русинов, пообещав разные блага украинофилам, если они откажутся от политического союза с русской партией. На львовском сейме депутат Ю. Романчук огласил программу, в которой выразил все, что требовал Бадени [15: 38; 17: 115].

В 1899 г. украинофильская партия включила в свою повестку образование свободного независимого государства Русь-Украина от Карпат до Кавказа. Пропаганда этой идеи велась в Галичине прямо и тайно. Явная агитация против единства русского народа проводилась в издаваемых газетах «Діло», «Руслан», «Свобода», «Народная часопись», «Воля» и др., в брошюрах.

«Руслан» – газета для галицко-русской интеллигенции – финансировалась Министерством иностранных дел, «Народна часопись»

для крестьян сдержалась за счет подписки, деньги на которую от громад (общин) собирали уездные власти. Пропаганда украинофильства велась при помощи книг, выпускавшихся «Товариществом имени Т. Шевченко», которое ежегодно получало от австрийского правительства пособие в 20 000 крон (10 000 гульденов), и обществом «Просвіта».

Галицкий сейм выделял деньги для украинофильских обществ и редакций: общество «Беседа» во Львове на содержание театра получало 14 500 крон, певческое общество «Боян» во Львове – 600 крон, редакция журнала «Учитель» – 1 000 крон, товарищество «Просвіта» – 6 000 крон, Товарищество имени Т. Шевченко – 8 000 крон, редакция детского журнала «Дзвінок» – 400 крон, издательство книг – 12 000 крон, женское училище в Перемышле – 400 крон, педагогическое общество на издание «Украинско-русской библиотеки» – 600 крон, женская школа во Львове – 3 200 крон, на издание брошюр – 400 крон, на содержание пансионатов для бедной учащейся молодежи – 5 000 крон. Итого 52 100 крон. Сверх этого украинофильские общества получали материальную помощь из России (от украинофилов).

Т. к. украинофильское движение было тесно связано с социализмом, то оно получало поддержку со стороны интернационала, что помогало издавать многочисленные социалистические издания и распространять их среди рабочих и крестьян. Русские общества не получали ниоткуда ни гроша

Благодаря покровительству правительства и поляков украинофильская пропаганда велась в народных школах, гимназиях, во Львовском университете, где кафедру истории Южной Руси получил выпускник Киевского университета М. Грушевский. Также украинофильские идеи распространялись среди малорусского населения России, для чего печатались книги, брошюры, газеты, которые контрабандой ввозились в Россию [15: 39–42; 17: 185–188].

Русское население Галичины – в основном крестьянское – вследствие ущемления своих прав со стороны правительства и поляков надеялось на помощь от России. Делу национального возрождения служила созданная в 1899 г. Русская народная партия, а также другие организации. Так, Ставропигийский институт, образованный в 1788 г. на базе Львовского Успенского братства, имел типографию, которая вела свое начало от печатни Ивана Фёдорова, церковь, церковно-археологический музей, пансион для бедной учащейся молодежи, школу и пансион для псаломщиков, лучший в Галичине церковный хор. Институт выдавал гимназистам и студентам стипендии и пособия, печатал церковные книги и т. д.

«Народный дом» во Львове, основанный на народные пожертвования в 1852 г., содержал публичную библиотеку, имевшую около 80 тыс. томов, музей древностей и искусства, пансион для мужской учащейся молодежи, воспитательное заведение для девочек, выдавал пособия и стипендии учащейся молодежи и т. д. Построил и содержал церковь Преображения Господня.

Литературное национальное общество «Галицко-русская матица», основанное в 1848 г., издавало «Литературный научный сборник» и книги на русском языке.

Общество имени Михаила Качковского, созданное просветителем Галицкой Руси о. Иоанном Наумовичем в 1874 г., занималось просвещением крестьян. Имело около 9 тыс. членов, 2 отделения в провинциальных городах, которые вместе с центральным управлением основывали в деревнях народные читальни, мелочные лавки (крамницы), ссудно-сберегательные кассы, братства трезвости и ссыпи хлеба. Общество издало и распространило около 3 млн поучительных книжек. Годовой взнос – 1 гульден, за который член общества получал 12 книжек религиозного, исторического, сельскохозяйственного и экономического содержания.

Литературно-театральное общество «Муза», основанное в 1893 г., устраивало театральные представления и концерты, на которых играли только русские пьесы и исполняли произведения русских композиторов.

Политическое общество «Русская рада» во Львове занималось выборами в сейм и парламент, защитой политических и национальных прав русских галичан. Им управлял народный совет в составе 18 представителей от всего русского населения Галичины.

В Общество русских студентов «Друг» входили студенты Львовского университета. Кроме того, действовали общество «Русское казино», основанное в 1903 г. «Общество русских журналистов», созданное в 1875 г. «Общество русских дам», содержавшее женский пансион и выдававшее пособия русским девочкам.

Из провинциальных обществ наиболее известны братство св. архистратига Михаила в Коломые, братство св. Николая в Станиславе, Общество крылошан и Народный дом в Саноке, содержавшие пансионы, в которых бедные гимназисты получали бесплатное содержание и воспитание.

Выпускались следующие издания: ежедневная газета «Галичанин», журналы «Русское слово», «Живая мысль», «Русская библиотека», «Страхопуд», «Русская рада», «Посланник», «Сельский подарок», брошюры Общества имени М. Качковского.

Финансированием нужд русского населения и его экономическим развитием занимались «Народная торговля», имевшая 18 отделений и доставлявшая русскому населению и сельским лавкам различные товары, семена, земледельческие орудия, страховое общество «Днестр», ссудные кассы, дававшие крестьянам долгосрочные и дешевые кредиты в 37 деревнях. Самое крупное учреждение – кредитное общество «Защита земли» – ставило целью защиту земли русских крестьян от перехода в чужие руки и выдачу крестьянам ипотечных займов на уплату долгов в банках и ростовщикам, на покупку крестьянами земель у обанкротившихся польских помещиков и т.д. [15: 43–48; 17: 192–196].

В нескольких своих работах Е.И. де-Витте пишет об угрорусах [21; 33; 40; 44]. «Русские той же ветви, как и русские галичане» жили в северо-восточном углу Венгрии, по южному склону Карпат. На севере и востоке соприкасались с русскими галичанами и буковинцами, на юго-востоке – с румынами, на юго-западе – с мадьярами, на западе – со словаками. Ранее это население было многочисленнее и занимало большую территорию [40: 54; 44: 3].

До середины XVI в. они были «вольными людьми, исповедовали православную веру и находились под непосредственным покровительством короля». С конца XIII в. католическое духовенство и венгерские короли стали предпринимать попытки обратить население в католичество. В 1646 г. 63 священника подписали акт унии с Римской церковью (Ужгородская уния) [40: 54; 44: 3].

С 1825 г. в Венгрии усилилась мадьяризация славян. Русская молодежь стала воспитываться в семинариях во враждебном всему русскому духе. В семьях священников русский язык вытеснялся мадьярским. Тяжелым было и экономическое положение: «почти весь угрорусский народ живет в бедности, часто голодает». Положение несколько улучшилось благодаря министру земледелия Дариньи. Его комиссар Эдвард Эган арендовал землю у одного богатого землевладельца, разделил ее между угрорусами, снабдил их скотом лучшей породы, основал для них ссудо-сберегательные кассы, потребительские лавки и т.д., освободил от «нескольких кровопийц и бессовестных чиновников». Однако после его трагической смерти все это прекратилось. Его преемник Иосиф Кази не продолжил начинание [40: 55–56; 44: 4–5].

О тяжелом экономическом положении региона в 1905 г. писал Владимир Гнатюк: «В целом мире нет несчастнее земли как Угорская Русь. В некоторых землях Земплинского комитата остались одни бабы и дети – все мужчины разбрелись по свету за хлебом. В Мармарошском и Мукачевском комитатах народ хочет бежать в

Бразилию, да средств нет на дорогу. Лица мужчин испытые, и одежда их порванная, жалуются на голод. Сборщики податей забирают последнюю корову, последнюю козу, свежесобранное зерно и даже свежесрезанную капусту». «Умирающий народ», – так писали словенские «Народные новины» [40: 56; 44: 5].

Однако планы венгерского правительства ассимилировать с помощью униатской церкви угрорусский народ потерпели крушение, и это объясняет его негативное отношение к распространителю православия в Угорской Руси иеромонаху Алексею Каблюку. Каблюк побывал на Афоне, вернулся на родину иеромонахом и начал свою проповедническую деятельность. Венгерская Конституция, как и австрийская, допускала свободу веры и переход из одной религиозной конфессии в другую. Однако в этом случае венгерские власти придумали целый ряд обвинений в адрес иеромонаха и его паствы и предали их суду [40: 57; 44: 6].

Первый процесс прошел в мае 1912 г. (Первый Мармарош-Сигетский процесс). На нем обвиняли 23 православных крестьян. У них были найдены напечатанные в России молитвенники на славянском языке с молитвой за царя. Также их обвиняли в укрывательстве Алексия Кабальюка, хождении на богомолье в Киев и пропаганде против униатской церкви. Как отмечала автор, «в ближайшем будущем предстоит еще ряд таких же процессов» [40: 57–58; 44: 7].

Работа Е.И. де-Витте «Холмская Русь» вышла пятым выпуском серии «Рассказы из русской истории» библиотеки Волинского союза русского народа в 1909 г. В ней автор рассказала об истории присоединения данного региона к Древней Руси, о развитии Холмщины во времена правления русских князей, особенно Даниила Галицкого, о жизни православной Холмщины в составе Речи Посполитой и борьбе населения за свою веру и сохранение народности, о «славе Холма» – его кафедральном соборе и Холмской иконе Божией Матери, о положении униатов и православных Холмщины в составе Российской империи.

После 983 г. Западная Русь, территория между Бугом, Вислой и Саном, вошла в состав Древней Руси. Рекой Владавкой, притоком Буга, и Тысменицей она делилась на северную и южную части. Первая с XI в. стала называться Подляшьем, потому что находилось под большими лесами, южная – Червенской землей, по имени главного города Червеня [31: 3].

Забужная Русь, пишет Е.И. де-Витте, была крещена во времена князя Владимира. Здесь было построено много храмов, из них самым замечательным был храм Рождества Богородицы в Холме, воздвигнутый в 1001 г. Дело святого Владимира в Забужье продолжил

его сын Ярослав. Он основал в Подляшье города Дрогичин, Мельник, Брянск и др. После Забужной Русью стали править Ростиславичи, правнуки Ярослава. В конце XI в. она была поделена на отдельные области: Берестейскую, Люблинскую, Холмскую, Червенскую, Бельзскую, Перемышльскую, Требовльскую. В конце XII в. Роман Мстиславович объединил Владимиро-Волынскую землю с Галицкой. Он поставил на Белавинской башне близ Холма двухглавого каменного орла как знак княжеской власти. Его сын Даниил, не любивший Галич из-за своевольного боярства, сделал около 1235 г. столицей Холм, который существовал еще до присоединения этой территории к Руси. Из-за пограничного положения Холма между Польшей и Русью он являлся яблоком постоянного раздора и был разорен в результате войн XI–XII вв. Город был восстановлен Даниилом Галицким примерно в 1235 г., когда тот утвердился на галицком столе. До этого Холм был незначительным поселением, располагавшимся на юго-западном склоне горы [31: 4].

После 1240 г., когда татаро-монголы разрушили Галич, Даниил уже постоянно пребывал в Холме, который сделал столицей Галицко-Волынского княжества [31: 5]. Он был хорошо укреплен, и татаро-монголы не смогли его захватить в 1240 и 1259 гг. Даниил также укрепил город Люблин. После смерти Даниила Галицкого в 1264 г. померкла и слава Холма. Дети и внуки князя разделили княжество на множество удельных. В 1349 г. Галицкая Русь попадала под власть польского короля Казимира. В 1366 г. власть польского короля признал холмский князь Юрий. Окончательно Холмщина вошла в состав Польши в 1462 г. [31: 6].

Подляшье, в отличие от Холмщины, оказалось вначале в составе Великого княжества литовского, русского и жемайтского. Однако после объединения Литвы с Польшей в 1569 г. там тоже началась латинизация [31: 7].

С историей Холма тесно связана и история Холмского кафедрального собора. В городе была учреждена епископия. Построенная святым Владимиром в Холме церковь во имя Пресвятой Богородицы получила название Пречистенского кафедрального собора. Таким образом, Холм стал центром епископства [31: 6]. Даниил Галицкий построил еще несколько церквей – Св. Иоанна Златоуста, Св. бессребреников Космы и Дамиана и восстановил после пожара, вызванного нашествием Батыя, церковь Св. Троицы в предместье города. Во время нашествия Куремсы в 1259 г. холмский собор, как и весь город, сильно пострадал от пожара. В 1260 г. стараниями Даниила Галицкого он был восстановлен. Холмские храмы были богато украшены еще до пожара, в них находились иконы, украшенные дорогими

камнями и золотым бисером. Они были принесены из Киева и Овруча или писаны в самом Холме. Часть колоколов тоже была из Киева, остальные отлили в самом Холме. Город спасся от татарского нашествия в третий раз и среди разрушенных и испепеленных городов Галицко-Волынского княжества стал считаться богоспасаемым градом. Славу ему принесла икона Богоматери, Заступницы Холма [31: 11]. Поэтому неудивительно, что холмский Богородичный собор получал богатые пожертвования от князей и других лиц. Простой люд тысячами стекался в Холм поклониться святыни, особенно много народу было 8 сентября, в день Чудотворной иконы Богоматери [31: 11-12].

Дальнейшая история Холмщины представляет собой борьбу местного населения за сохранение своей этничности и православной веры. В 1417 г. польский король Владислав Ягайло учредил Холмскую латинскую епископию для православного населения края, чтобы наставлять «схизматический народ, живший в окрестностях» [31: 12]. На Брестском соборе 1596 г. в унию перешел холмский епископ Дионисий Збируйский. В первое время православные не чувствовали ее последствий. Епископы вели себя по отношению к верующим сдержанно. В 1617 г. второй униатский холмский епископ Андреевский разрешил учредить в Холме православное братство. После его смерти началось притеснение православных. При 23-летнем правлении епископа Мефодия Терлецкого (1626–1649) у православных не осталось в Холме ни одной церкви [31: 13–14].

После Брестского собора в православии остались только два епископа – львовский Гедеон (умер в 1607 г.) и перемышльский Михаил (умер в 1612 г.). После них на пять епархий (Владимирскую, Луцкую, Холмскую, Львовскую и Перемышльскую) остался только один епископ Иеремия Тиссаровский, занявший львовскую кафедру после Гедеона. Холмщина находилась далеко от своего епископа, поэтому в многих церквях не было священников, прихожане остались без богослужения. Этим воспользовались польское правительство и паны. Многие православные церкви были закрыты или силой обращены в униатские. Народ пробовал сопротивляться этому, но выступления подавлялись войсками [31: 16]. В такой обстановке стали возникать православные братства и монастыри. Но они были бедны и бесправны, подвергались преследованиям властей.

В 1620 г. с ведома константинопольского патриарха иерусалимский патриарх Феофан, возвращавшийся из Москвы после поставления там патриарха Филарета, заехал в Киев и рукоположил в сан митрополита и шесть епископов. Но польское правительство, униатские и католические епископы не признали их законными,

патриарха Феофана назвали османским шпионом [31: 16–17]. Под защитой казаков митрополит остался в Киеве, а епископы – в монастырях своих епархий. Холмский епископ Паисий Черкавский жил в Яблочинском Онуфриевском монастыре недалеко от Холма [31: 17–18]. Во время войны с Польшей казаки в 1643 г. захватили Холм и сильно его опустошили. На время кафедральный собор перешел в руки православных. После Збровского договора 1650 г. холмская кафедра возвращалась в ведение митрополита Киевского и вся Руси. Униаты спрятали церковную утварь и святую икону. Митрополит Сильвестр Коссов, прибыв в Холм 31 января 1650 г., 12 февраля потребовал передать православным архиерейский дом, кафедральный собор и остальные три церкви. Икону удалось найти 20 марта 1651 г. [31: 21–23].

После поражения войск Богдана Хмельницкого под Берестечком в 1651 г. Холмская епархия по королевскому рескрипту от 29 июля «вечно оставалась в униатском правлении». Холмские икона и церкви на этот раз были отняты у православных на долгое время. Но полуторагодовое пребывание в Холме православного епископа Дионисия Балабана и его сподвижников-монахов сыграло важную роль в сохранении православия на Холмщине [31: 25].

Во время третьего раздела Польши в 1795 г. часть Холмской Руси по правому берегу Буга до литовской границы отошла к России. Остальная часть Холмщины и седлецкого Подляшья по реке Буг досталась Австрии. После наполеоновских войн по Венскому договору 1815 г. Холмский край перешел к России и вошел в Царство Польское, которое после польского восстания 1863 г. стало Привисленским краем. Эти перемены оказали влияние на церковную и политическую жизнь края [31: 37–38].

После польского восстания 1831 г. началось народно-русское движение в крае и очищение униатского обряда от латинских нововведений. Это движение встретило сильное сопротивление со стороны польских католиков и окатоличенных униатов, которые старались не допустить сближения униатов с православием [31: 38]. Борьба между этими двумя движениями осложнялась прибытием на помощь Русской народной партии священников из Галичины, которые не всегда радушно принимались сторонниками русской партии. Очищение обряда проходило с 1867 по 1875 г. Воссоединение униатов с православной церковью произошло в 1875 г. [31: 38–39, 41].

Холмский кафедральный собор был капитально обновлен на деньги правительства к 1878 г., в третью годовщину воссоединения холмских униатов. В обновленном соборе на первом богослужении присутствовало более 5 тыс. богомольцев из воссоединенных

униатов. В восстановленной Холмской православной епархии в 1879 г. возобновилось холмское Свято-Богородицкое братство. При нем в 1882 г. был создан церковно-археологический музей [31: 39, 42].

После царского указа о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г. латинские епископы и ксендзы обманом и насилием «принудили многие тысячи из воссоединенных с православием изменить святой православной церкви и принять латинскую ересь» [31: 43].

Е.И. де-Витте печаталась в журналах «Русское дело», «Заря», «Русь», «Правдивое слово». Она была автором книжной серии «Действительность. Административное управление и правовой порядок» (Почаев, 1905–1915. Вып. 1–18), научно-популярных публикаций по русской истории («Чтения по истории славян», 1886; «Равноапостольный князь Владимир Святой», 1888; «Крещение Руси (Летописный рассказ)», 1911; «Княжество Московское», 1912; «Потомки великого князя Ивана Калиты», 1913 и др.), гимназических пособий по древнерусской литературе и фольклору. Часть ее произведений вышла в рамках «Библиотеки Волынского союза русского народа», в т. ч. несколько выпусков серии «Рассказы из русской истории». Также она выпустила мемуары о своей работе в гимназиях «Из воспоминаний начальницы женской гимназии» – весьма ценный источник по истории становления женских гимназий в России. Среди ее наследия, помимо исторических и педагогических, есть политологические и культурологические труды [63: 99].

Мы не ставили целью составить библиографию Е.И. де-Витте. Как понимаем, некоторые ее работы оказались утерянными. Нам удалось найти большинство книг, брошюр и научных статей ученого. Некоторые из них были переизданы при жизни автора [5–49; 61].

В конце XIX – начале XX в. женщины, работавшие в науке, как, впрочем, и педагоги, были редкостью. После семейной трагедии Е.И. де-Витте стала заниматься педагогической деятельностью, внося свой вклад в развитие женского образования в России (тема, тоже оставшаяся вне поля зрения исследователей). Публикацию исторических работ Е.И. де-Витте начала с 1886 г., когда ей было 52 года. Первые свои поездки для изучения славянских народов она совершила в 1903 г. в возрасте 69 лет. Хотя некоторые ранее высказанные ей положения в последующих работах повторялись, в большинстве случаев она их дополняла новыми сведениями.

Труды Елизаветы Ивановны де-Витте по истории, этнографии, социально-экономическому и политическому положению славян, в т. ч. и русинов, не потеряли актуальности и сегодня.

Примечания

1. На наш взгляд, в понятие «Карпатская Русь» следует включать, помимо т. н. Зарубежной Руси, находившейся в составе Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), и часть территории Галицкой Руси, населенной русинами, находившейся в составе Российской империи. Это север Бессарабии, а также Холмщина и Подляшье [59: 288].

2. Выдержки из «Конституционного закона об общих правах граждан для королевств и областей, представленных в рейсхсрате» от 12 декабря 1867 г., касающиеся свободы вероисповедания, образования и равенства и права граждан «поддерживать и культивировать свою национальность и свой язык»:

«14. Всем гарантируется полная свобода вероисповедания и совести. Пользование гражданскими и политическими правами не зависит от религиозного исповедания.

Однако религиозные верования не должны никоим образом нарушать гражданских обязанностей.

Никто не может быть принужден к исполнению какого-либо религиозного акта или к принятию участия в религиозной церемонии, если он не находится под властью лица, получившего на этот счет полномочие от закона.

15. Всякая церковь или религиозная ассоциация, признанная законом, имеет право отправлять богослужения сообща и публично; она регулирует и управляет своими внутренними делами независимо; она владеет и пользуется учреждениями, вкладами и капиталами, переданными в ее руки для целей культа, образования и благотворительности; но она подчиняется, как и всякое общество, законам государства.

16. Последователи религиозного исповедания, не признанного законом, могут отправлять богослужение в частных домах, раз это не противоречит ни законам, ни добрым нравам.

17. Наука и ее преподавание свободны.

Всякий гражданин имеет право основывать учебные или воспитательные заведения и давать в них образование, если он удовлетворяет законным требованиям.

Частное обучение подобным ограничениям не подвергается. Забота о религиозном образовании в школах возлагается на церковь или на ту религиозную общину, к которой принадлежит школа.

Государство имеет право высшего руководства и наблюдения за публичным обучением и воспитанием.

19. Все народы государства, принадлежащие к различным расам,

равны в правах: каждая раса имеет неотъемлемое право поддерживать и культивировать свою национальность и свой язык.

Государство признает за всеми языками, употребляемыми в областях монархии, равное право на употребление в школах и при осуществлении функций и различных актов государственной жизни.

В областях, население которых принадлежит к различным расам, учреждения народного просвещения должны быть организованы таким образом, чтобы каждый, не имея нужды изучать другой язык, имел возможность получить на своем языке необходимые элементы своего образования» [58: 19–20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А.Н. Леонид Михайлович Савелов: родственные, служебные и общественные связи в Воронежском крае // Генеалогический вестник. Вып. 59. СПб., 2019. С. 11–16.

2. Гатмас Н. Буковина и Галичина // За русское дело. 2017. № 3 (181). С. 6–7.

3. Дашкевич Н.П. Общий очерк основания и деятельности Исторического общества Нестора летописца за истекшие 25 лет его существования // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца (далее – ЧИОНЛ). Кн. 13. 1899. С. 1–16.

4. Дашкевич Н.П. Историческая записка о возникновении и деятельности Исторического общества Нестора летописца по январь 1898 г. // ЧИОНЛ. Кн. 13. 1899. С. 17–98.

5. Де-Витте Е.И. Чтения по истории славян. Балтийские славяне. Хорваты. Сербы. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь. Сост. по учен. тр. славистов. Ковно: тип. Губ. правл., 1886. 258, IV с.

6. Де-Витте Е.И. Книга для чтения в школе и дома. Вып. 1. Начальная летопись и жития препод. Антония и Феодосия Печерских с поучениями. С обозначением ударений на словах. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 147, III с.

7. Де-Витте Е.И. Равноапостольный князь Владимир Святой. Ковно: тип. Губ. правл., 1888. 62 с.

8. Де-Витте Е.И. Равноапостольный князь Владимир Святой. 2-е изд. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 52 с.

9. Де-Витте Е.И. Книга для чтения в начальной школе. Год 2-й. Даль, Крылов, из народного творчества и Филарет Московский (письма к родным). С пособием для преподавателей (отдельной книжкой). Ковно: в тип. Губ. правл., 1890. 174, [2] с.

10. Де-Витте Е.И. Книга для чтения в школе и дома. Вып. 1. Начальная летопись и жития препод. Антония и Феодосия Печерских, первоучители славянские свв. Кирилл и Мефодий и несколько древнерусских поучений. С обозначением ударений на словах. Изд. 2-е, испр. и доп. Ковно: тип. Губ. правления, 1894. 182 с.

11. *Де-Витте Е.И.* Книга для чтения в школе и дома. Вып. 2. Народное творчество: сказки и былины и Слово о полку Игореве, в оригинале и новом переводе. С примечаниями и приложениями. Ковно: в тип. Губ. правл., 1889. 192 с.

12. *Де-Витте Е.И.* Археологическая находка в с. Ласкове Владимиро-Волынского уезда в 1610 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Отдел II. 1900. Кн. 14. С. 85–101

13. *Де-Витте Е.И.* Реляция о встрече и въезде московских послов в Варшаву 8 декабря 1667 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Отдел III. 1900. Кн. 14. С. 3–6.

14. *Де-Витте Е.И.* Древний помянник Киево-Михайловского (Златоверхого) монастыря (XVI–XVII вв.) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1903. Кн. 17. Отдел IV. С. 3–76.

15. *Де-Витте Е.И.* Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Сообщение, чит. Е.И. Де-Витте в общем собрании Киевского слав. благотвор. о-ва 22 окт. 1903 г. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1903. [2], 49 с.

16. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902 г. Киев: тип. М.М. Фиха, 1903. 127 с.

17. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Киев: типолитография Т.Г. Мейнандера, 1904. 254 с.

18. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 1. Правовый порядок и административное усмотрение. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1905. 60, [1] с.

19. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления и исторические очерки. Лето 1903 года. Чехия. Вып. 1. Кременец: тип. Л.Д. Шумского, 1905. [4], III, 204 с.

20. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 3. Хорватия. «Правовый порядок», обеспеченный конституцией. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1907. 47 с.

21. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 4. Угро-руссy. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1907. 32, [1] с.

22. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 6. Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрцштегское соглашение. Кременец: тип. Л.Д. Шумского, 1908. [2], VII, 87 с.

23. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Правовый порядок и административное усмотрение. Вып. 1. Мадыяры и словаки. Изд. 2-е, изм. и доп. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1906. 97, [1] с.

24. *Де-Витте Е.И.* Св. первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1908. VIII, 97 с.

25. *Де-Витте Е.И.* Из воспоминаний начальницы женской гимназии. В 3 ч. 1875–1904 г. Ч. 1, 2. Тифлис и К-а. 1875–1897 г. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1908. 188 с.

26. *Де-Витте Е.И.* Как живет галичанам под конституцией. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1908. 16 с.: ил., карт.

27. *Де-Вумте Е.И.* Комментарии к древнейшим памятникам Киево-Печерской лавры и Киево-Златоверхо-Михайловского монастыря // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1909. Кн. 21. Приложение. С. 1–16.

28. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 9. Угро-хорватские отношения с 1102 г. и хорвато-габсбургские с 1527 г. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 106, [1] с.

29. *Де-Вумте Е.И.* Политическая преступность (Из книги Л. Проала, советника апелляционного суда в Париже). Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 21 с.

30. *Де-Вумте Е.И.* Пангерманизм. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 21 с.

31. *Де-Вумте Е.И.* Рассказы из русской истории. Вып. 5. Холмская Русь. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1909. 47 с.: ил.

32. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 8. Русско-польский вопрос в Галичине. 1804 – 1909. Почаев: Типография Почаево-Успенской лавры, 1909. 88 с.

33. *Де-Вумте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и угро-русы. Лето 1903, 1906 и 1907 годов. Почаев: Типография Почаево-Успенской лавры, 1909. 227, II с.

34. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 10. Северная Чехия. Борьба двух народностей. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1910. 54 с.

35. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 11. Онемечение. Борьба народностей. Моравия. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1911. 162, [1] с.

36. *Де-Вумте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Лето 1907 и 1910 годов. Альпийские земли и Приморье с Триестом. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1911. 158, [2] с.

37. *Де-Вумте Е.И.* Крещение Руси (Летописный рассказ). Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1911. 26 с.

38. *Де-Вумте Е.И.* Княжество Московское. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1912. 34 с.: ил.

39. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 12. Онемечение. Борьба народностей. Силезия. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1912. 115, [1] с.

40. *Де-Вумте Е.И.* Австро-Венгрия и ее славянские народы. Шамордино: тип. Казан. Амврос. жен. пустыни, 1912. 86 с.

41. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 15. Боевые немецкие союзы и охранные чешские союзы. Шамордино: тип. Казан. Амвросиевской женской пустыни, 1913. 152 с.

42. *Де-Вумте Е.И.* Потомки великого князя Калиты. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1913. 88 с.

43. *Де-Вумте Е.И.* Буковина и Галичина. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 90 с.

44. *Де-Вумте Е.И.* Угরоруссы. Библиотека Волынского союза русского народа. №№ 16–17. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1914. 34 с.: ил.

45. *Де-Вумте Е.И.* Массонство в Австрии и Германии. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 74 с.

46. *Де-Витте Е.И.* Культура XIX и XX веков.: Популярный очерк. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 120 с.
47. *Де-Витте Е.И.* Триест, Приморье, Далмация и Тироль. Шамордино: изд. Е. де-Витте, 1915. 20 с.
48. *Де-Витте Е.И.* Происхождение и развитие украинофильства. Шамордино: изд. Е. де-Витте, 1915. 20 с.
49. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления (с ист. очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина. Bridgeport (Conn.): Carpatho-Russ. lit. assoc., 1977. 249, III с.
50. Заседание 31-го января 1898 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 13. 1899. С. 104–105.
51. Заседание 12-го декабря 1899 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 14. 1900. С. 32–38.
52. *Колесник М.П.* Історичне товариство Нестора-літописця: основні етапи й напрями діяльності (1872–1931 рр.) // Український історичний журнал. 1989. № 9. С. 50–56.
53. *Колесник М.П.* Історичне товариство Нестора-літописця та його вклад у розвиток історичної науки в Україні // Український історичний журнал. 1995. № 5. С. 28–37.
54. *Купчанко Г.И.* Наша Родина. Иллюстрированный сборник для простонародного чтения. Ведынь: Книгопечатня Фридриха Яспера, 1897. 237 с.
55. Отчет о состоянии и деятельности общества с 27 октября 1899 по 27 октября 1900 г.) М.Н. Ясинского. Приложение к отчету за 1899–1900 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 15. 1901. С. 3–20.
56. *Савёлов Л.М.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл., коммент., имен. указатель О.Н. Наумова. М.: Издательство «Старая Басманная», 2015. 488 с.: ил.
57. Сведения о заседаниях Общества Нестора летописца за ноябрь и декабрь 1900 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1901. Кн. 15. С. 21–26.
58. Собрание конституционных актов. Вып. 2. Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. Издание В.М. Саблина. М.: Типолитография Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1905. [2], 80 с.
59. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
60. *Суляк С.Г.* «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // Русин. 2019. № 57. С. 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12
61. *Тураева-Церетели Е.Ф., Де-Витте Е.И.* Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем. М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 69 с., 1 л. карт.: ил.
62. «Украинская» болезнь русской нации» / Составитель серии М.Б. Смолен. М.: Имперская традиция, 2004. 560 с.
63. *Федотова М.А.* Де-Витте Елизавета Ивановна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. Т. 2. Г–И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 99–101.
64. *Чепелевская Т.И.* Путевые очерки Е. И. Витте начала XX в.: синтез

художественного и документального // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / Отв. редактор Н.М. Куренная. М.: ИСл РАН, 2018. С. 118–138. DOI: 10.31168/0402-2.7

65. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. Т. 3. Пг.: Гос. тип., 1915. 754, IV с. [4], ил., табл.

66. *Cugnata Cristina*. Elizaveta Ivanovna De-Vitte. Uno sguardo al femminile sulla condizione degli Slavi europei all'inizio del XX secolo. Università Ca' Foscari Venezia. Corso di Laurea Magistrale in Lingue e Letterature Europee, Americane e Postcoloniali. Tesi di Laurea. Anno Accademico 2011/2012. URL: <http://dspace.unive.it/handle/10579/2537> (дата обращения: 2.06.2020).

67. *Cugnata Cristina*. Constructing Identities. Te Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travellers // International Journal of Euro-Mediterranean Studies. 2018. Vol. 18. № 1. P. 9–28.

REFERENCES

1. Akinshin, A.N. (2019) Leonid Mikhaylovich Savelov: rodstvennye, sluzhebnye i obshchestvennye svyazi v Voronezhskom krae [Leonid Mikhailovich Savelov: family, service and public relations in Voronezh Region]. *Genealogicheskiy vestnik*. 59. St. Petersburg. pp. 11–16.

2. Gattas, N. (2017) Bukovina i Galichina [Bukovina and Galicia]. *Za russkoe delo*. 3 (181). pp. 6–7.

3. Dashkevich, N.P. (1899) Obshchiy ocherk osnovaniya i deyatelnosti Istoricheskogo obshchestva Nestora letopistsa za istekshie 25 let ego sushchestvovaniya [A general outline of the foundation and activities of the Nestor the Chronicler Historical Society over the past 25 years]. *Chteniya v Istoricheskoy obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 1–16.

4. Dashkevich, N.P. (1899) Istoricheskaya zapiska o vzniknovenii i deyatelnosti Istoricheskogo obshchestva Nestora letopistsa po yanvar' 1898 g. [Historical note on the origin and activities of the Nestor the Chronicler Historical Society until January 1898]. *Chteniya v istoricheskoy obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 17–98.

5. Witte de, E.I. (1866) *Chteniya po istorii slavyan. Baltiyskie slavyane. Khorvaty. Serby. Khorutane. Bolgary. Veliko-Moraviya. Chekhiya. Pol'sha. Rus'* [Readings on the history of the Slavs. Baltic Slavs. Croats. Serbs. Carantanians. Bulgarians. Great Moravia. Czech Republic. Poland. Russia]. Kovno: Tip. Gub. pravl.

6. Witte de, E.I. (1888a) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. St. Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K.

7. Witte de, E.I. (1888b) *Ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir svyatyy* [Prince St. Vladimir, Equal to the Apostles]. Kovno: Tip. Gubernskogo prav.

8. Witte de, E.I. (1888b) *Ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir svyatyy* [Prince St. Vladimir, Equal to the Apostles]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K.

9. Witte de, E.I. (1890) *Kniga dlya chteniya v nachal'noy shkole* [A Book to Read in Elementary School]. Book 2. Kovno: Tip. Gub. pravl.

10. Witte de, E.I. (1894) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. Issue 1. Kovno: Tip. Gub. pravleniya.
11. Witte de, E.I. (1889) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. Issue 2. Kovno: V tip. Gub. pravl.
12. Witte de, E.I. (1900a) Arkheologicheskaya nakhodka v s. Laskove Vladimiro-Volynskogo uyezda v 1610 g. [An archaeological find in Laskovo of Volodymyr-Volynskiy County in 1610]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 85–101
13. Witte de, E.I. (1900b) Relyatsiya o vstreche i v'ezde moskovskikh poslov v Varshavu 8 dekabrya 1667 g. [Relation about the meeting and entry of Moscow ambassadors to Warsaw on December 8, 1667]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 3–6.
14. Witte de, E.I. (1903) Drevniy pomyannik Kievo-Mikhaylovskogo (Zlatoverkhogo) monastyrya (XVI–XVII vv.) [The ancient commemoration of the Kiev-Mikhailovsky (Golden-domed) Monastery (the 16th – 17th centuries)]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 17. pp. 3–76.
15. Witte de, E.I. (1903a) *Bukovina i Galichina. Leto 1903 g. Soobshchenie, chit. E.I. De-Vitte v obshchem sobranii Kievskogo slav. blagotvor. o-va 22 okt. 1903 g.* [Bukovina and Galicia. The summer of 1903. Message from E.I. de Witte about the general meeting of Kiev Slavic Charity Society. October 22, 1903]. Kiev: Tip. I.I. Gorbunova.
16. Witte de, E.I. (1903b) *Putevye vpechatleniya. Dalmatsiya, Gertsegovina, Bosniya i Serbiya. Leto 1902 g.* [Travel impressions. Dalmatia, Herzegovina, Bosnia and Serbia. The Summer of 1902]. Kiev: Tip. M.M. Fikha.
17. Witte de, E.I. (1904) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Bukovina i Galichina. Leto 1903 g.* [Travel impressions with historical essays. Bukovina and Galicia. The Summer of 1903]. Kiev: T.G. Meynander.
18. Witte de, E.I. (1905a) *Deystvitel'nost'* [Reality] Vol. 1. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
19. Witte de, E.I. (1905b) *Putevye vpechatleniya i istoricheskie ocherki. Leto 1903 goda. Chekhiya* [Travel Impressions and Historical Essays. The Summer of 1903. Czech Republic]. Vol. 1. Kremenets: L.D. Shumsky.
20. Witte de, E.I. (1907a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 3. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
21. Witte de, E.I. (1907b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 4. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
22. Witte de, E.I. (1908a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 6. Kremenets: L.D. Shumsky.
23. Witte de, E.I. (1906) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 1. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
24. Witte de, E.I. (1908b) *Sv. pervouchiteli slavyanskie Kirill i Mefodiy i kul'turnaya rol' ikh v slavyanstve i Rossii* [St. Slavic primary teachers Cyril and Methodius and their cultural role in Slavs and Russia]. St. Petersburg: I.V. Leontiev.
25. Witte de, E.I. (1908c) *Iz vospominaniy nachal'nitsy zhenskoy gimnazii* [From the memoirs of the head of the female gymnasium]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.

26. Witte de, E.I. (1908d) *Kak zhivetsya galichanam pod konstitutsiey* [How Galicians live under the constitution]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
27. Witte de, E.I. (1909a) Kommentarii k drevneyshim pamyatnikam Kiev-Pecherskoj lavry i Kiev-Zlatoverkho-Mikhaylovskogo monastyrya [Comments on the most ancient monuments of the Kiev-Pechersk Lavra and the Kiev-Zlatoverkho-Mikhailovsky Monastery]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 21. pp. 1–16.
28. Witte de, E.I. (1909b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 9. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
29. Witte de, E.I. (1909c) *Politicheskaya prestupnost' (Iz knigi L. Proala, sovetnika apellyatsionnogo suda v Parizhe)* [Political crime (From the book of L. Proal, Counselor of the Court of Appeal in Paris)]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
30. Witte de, E.I. (1909d) *Pangermanizm* [Pan-Germanism]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
31. Witte de, E.I. (1909e) *Rasskazy iz russkoj istorii* [Stories from Russian History]. Vol. 5. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
32. Witte de, E.I. (1909f) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 8. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
33. Witte de, E.I. (1909g) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Slovachina i ugro-russy. Leto 1903, 1906 i 1907 godov.* [Travel Impressions with Historical Essays. Slovakia and Ugro-Russ. Summer 1903, 1906 and 1907]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
34. Witte de, E.I. (1910) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 10. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
35. Witte de, E.I. (1911a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 11. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
36. Witte de, E.I. (1911b) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Leto 1907 i 1910 godov. Al'pijskie zemli i Primor'e s Triestom* [Travel impressions with historical essays. The summer of 1907 and 1910. Alpine lands and Primorye with Trieste]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
37. Witte de, E.I. (1911c) *Kreshchenie Rusi (Letopisnyy rasskaz)* [The Christianization of Kievan Rus' (Chronicle story)]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
38. Witte de, E.I. (1912a) *Knyazhestvo Moskovskoe* [The Duchy of Moscow]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
39. Witte de, E.I. (1912b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 12. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
40. Witte de, E.I. (1912c) *Avstro-Vengriya i ee slavyanskije narody* [Austria-Hungary and its Slavic peoples]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
41. Witte de, E.I. (1913a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 15. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
42. Witte de, E.I. (1913b) *Potomki velikogo knyazya Kality* [Descendants of the Grand Duke Kalita]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.

43. Witte de, E.I. (1914a) *Bukovina i Galichina* [Bukovina and Galicia]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
44. Witte de, E.I. (1914b) Ugrorussy. *Biblioteka Volynskogo sojuza russkogo naroda*. Nr. 16–17. Ugro-Russ. Library of the Volyn Union of the Russian People. Nr. 16–17. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
45. Witte de, E.I. (1914c) *Masonstvo v Avstrii i Germanii* [Freemasonry in Austria and Germany]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
46. Witte de, E.I. (1914d) *Kul'tura XIX i XX vekov: Populyarnyy ocherk* [Culture of the 19th and 20th centuries: A popular essay]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
47. Witte de, E.I. (1915a) *Triest, Primor'e, Dalmatsiya i Tirol'* [Trieste, Primorye, Dalmatia and Tyrol]. Shamordino: E.I. de Witte.
48. Witte de, E.I. (1915b) *Proiskhozhdenie i razvitie ukrainofil'stva* [The origin and development of Ukrainophilia]. Shamordino: E.I. de Witte.
49. Witte de, E.I. (1977) *Putevye vpechatleniya (s ist. ocherkami). Leto 1903 g. Bukovina i Galichina* [Travel impressions (with source essays). The summer of 1903. Bukovina and Galicia]. Bridgeport, Conn.: Carpatho-Russian Literature Association.
50. Anon. (1899) Zasedanie 31-go yanvarya 1898 g. [The meeting on January 31, 1898]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 104–105.
51. Anon. (1900) Zasedanie 12-go dekabrya 1899 g. [The meeting on December 12, 1899]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 32–38.
52. Kolesnik, M.P. (1989) Istorichne tovaristvo Nestora–litopistsya: osnovni etapi y napryami diyal'nosti (1872–1931 rr.). *Ukrains'kiy istorichnyy zhurnal*. 9. pp. 50–56.
53. Kolesnik, M P. (1995) Istorichne tovaristvo Nestora–litopistsya ta yogo vklad u rozvitok istorichnoï nauki v Ukraïni. *Ukrains'kiy istorichnyy zhurnal*. 5. pp. 28–37.
54. Kupchanko, G.I. (1897) *Nasha Rodina. Illjustrirovannyj sbornik dlja prostonarodnogo chitan'ja* [Our Motherland. Illustrated collection for common reading]. Vienna: Friedrich Jasper.
55. Yasinsky, M.N. (1901) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti obshchestva s 27 oktyabrya 1899 po 27 oktyabrya 1900 g.) M.N. Yasinskogo [M.N. Yasinsky's report on the state and activities of the Society from October 27, 1899 to October 27, 1900]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 15. pp. 3–14.
56. Savelov, L.M. (2015) *Vospominaniya* [Memoirs] Moscow: Staraya Basmannaya.
57. Anon. (1901) Svedeniya o zasedaniyakh Obshchestva Nestora–letopistsa za noyabr' i dekab' 1900 g. [Information on the meetings of the Society of Nestor the Chronicler for November and December 1900]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 15. pp. 21–26.
58. *Sobranie konstitucionnyh aktov* (1905). Vyp. 2. Konstitucii Avstrii, Avstro-Vengrii, Vengrii, Anglii, Soedinennyh Shtatov [Collection of constitutional acts

(1905). Iss. 2. Constitutions of Austria, Austria-Hungary, Hungary, England, United States]. Publisher: V.M. Sablin. Moscow: Typolithography Russian Partnership of Printing and Publishing Affairs.

59. Sulyak, S.G. (2019). On the Carpathian Rus' Terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

60. Sulyak, S.G. (2019) Journal "Free Word: Carpatho-Russian Monthly" as an important source on the history of Subcarpathian Rus in the inter-war period. *Rusin*. 57. pp. 195–229. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12

61. Turaeva-Tsereteli, E.F. & Witte de, E.I. (1915) *Galitskaya Rus' v ee proshlom i nastoyashchem* [Galician Russia in its past and present]. Moscow: A.A. Levenson.

62. Smolin, M.B. (ed.) (2004) "Ukrainskaya" bolezn' russkoy natsii ["Ukrainian" disease of the Russian nation]. Moscow: Imperskaya traditsiya.

63. Fedotova, M.A. (1995) De-Vitte Elizaveta Ivanovna [Elizaveta Ivanovna de Witte]. In: Tvorgov, O.V. et al. (eds) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [The Word about Igor's Regiment Encyclopedia]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 99–101.

64. Chepelevskaya, T.I. (2018) Putevye ocherki E.I. Vitte nachala XX v.: sintez khudozhestvennogo i dokumental'nogo [Travel essays by E.I. de Witte in the early 20th century: A synthesis of the artistic and documentary]. In: Kurennaya, N.M. (ed.) *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and "documentary" in Slavic cultures: Between the genuine and the imaginary]. Moscow: RAS. pp. 118–138. DOI: 10.31168/0402-2.7

65. Cherepnin, N.P. (1915) *Imperatorskoe vospitatel'noe obshchestvo blagorodnykh devits. Istoricheskiy ocherk. 1764–1914* [Imperial educational society of noble maidens. Historical background. 1764–1914]. Vol. 3. Petrograd: Gos. tip.

66. Cugnata, C. (2011/2012) *Elizaveta Ivanovna De-Vitte. Uno sguardo al femminile sulla condizione degli Slavi europei all'inizio del XX secolo*. [Online] Available from: <http://dspace.unive.it/handle/10579/2537> (Accessed: 2th June 2020).

67. Cugnata, C. (2018) Constructing Identities. Te Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travellers. *International Journal of Euro-Mediterranean Studies*. 18(1). pp. 9–28.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru